DOI 10.24412/2658-5960-2026-55-151-166
УДК 94(47).083.4

Дмитрий Витальевич Лихарев[1]
liharev.dv@dvfu.ru

ГУЛЛЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ 1904 г. И ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИЕ (ПО БРИТАНСКИМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ДОКУМЕНТАМ)

Гулльский инцидент является одним из наиболее дискуссионных эпизодов Русско-японской войны 1904—1905 гг. Советская и российская историография традиционно уделяла главное внимание вопросу участия или неучастия японских миноносцев в инциденте в Северном море в ночь с 21 на 22 октября 1904 г. Данная статья предлагает перевести проблему в плоскость дипломатического урегулирования, рассматривая её в более широком международном контексте. В отличие от недавних российских исследований, настоящая работа позволяет сделать вывод, что решающую роль в преодолении последствий Гулльского инцидента сыграла Франция. Русско-японская война поставила под угрозу позиции Франции перед лицом враждебной Германии. Тем не менее официальный Париж стремился во что бы то ни стало сохранить франко-русский союз, давая понять, что чрезмерные требования, предъявляемые России Великобританией, ставят под угрозу англо-французское урегулирование. В свою очередь британский кабинет не мог позволить себе пожертвовать англо-французской Антантой, подписанной в апреле 1904 г. после длительных и тяжёлых переговоров. Автор также настаивает, что Гулльский инцидент не являлся «заранее спланированной провокацией», а носил спонтанный характер, став полной неожиданностью как для России, так и для Великобритании. Данное обстоятельство предопределило отсутствие чётко артикулированных целей у британской дипломатии, которых она могла бы достичь, используя уязвимое положение России.

Ключевые слова: Гулльский инцидент, Русско-японская война, политика, дипломатия, Франция.

Dmitrii V. Likharev[1]
liharev.dv@dvfu.ru

THE DOGGER BANK INCIDENT OF 1904 AND IT'S SETTLEMENT (ON BRITISH DIPLOMATIC DOCUMENTS)

The Dogger Bank incident belongs to the most disputed episodes of the Russo-Japanese War of 1904—1905. The Soviet and Russian historians traditionally

[1] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

concentrated on the problem whether the Japanese destroyer had participated in the fleet action on the 21st of October 1904 or not. This article proposes to transfer the problem to the realm of diplomacy putting it into a broader context of Anglo-Russian rapprochement. In contrast to the recent Russian researches the author insists on the decisive role of France in surmounting the consequences of the Dogger bank incident. The Russo-Japanese war put France into a dangerous position fact to face with a hostile Germany. Nevertheless, official Paris was eager to preserve the Franco-Russian Alliance at any cost. The French Ambassador in London peremptory declared that excessive British demands to Russia would jeopardize recent Anglo-French rapprochement. At the same time the British Cabinet could not afford to sacrifice Anglo-French Entente signed in April 1904 after a long and difficult negotiations. The author also is of the opinion that the Dogger bank incident was not a "deliberately planned provocation", but had a spontaneous character. This circumstance predetermined the absence of clearly articulated aims from the British side.
Keywords: the Dogger bank incident, the Russo-Japanese war, policy, diplomacy, France.

В первой половине дня 15 октября 1905 г.[2] из Либавы вышла 2-я эскадра Тихого океана под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского[3]. Ей предстояло пройти огромный путь через три океана протяжённостью 18 000 морских миль и, прибыв на Дальний Восток, добиться перелома в войне с Японией в пользу России. Однако первую боевую стрельбу российские корабли открыли всего неделю спустя, во время перехода через Северное море, приняв английские рыболовные суда за японские миноносцы. Это событие вошло в историю под названием «Гулльский инцидент», поскольку большинство траулеров имели портом приписки г. Гулль (Hull). В англоязычной историографии его именуют инцидентом у Доггер-банки по географической привязке места происшествия.

Историография Гулльского инцидента достаточно обширна. Этому событию посвящено немалое количество специальных исследований (Могилевич, Айрапетов 1940; Lebow 1978; Зубов 2015; Веледеев 2021; Гребенщикова 2025). Гулльский инцидент присутствует практически во всех общих работах по истории Русско-японской войны, военных действий на море и деятельности разведок Великобритании, Японии и России. Главная коллизия, вокруг которой ведутся споры историков, сводится к вопросу, участвовали или не участвовали японские миноносцы в Гулльском инциденте. Позиция тех, кто отстаивал присутствие

[2] Все даты в тексте приведены по григорианскому календарю (по новому стилю).
[3] З.П. Рожественский начал поход в звании контр-адмирала. Через три дня пришла телеграмма о присвоении ему звания вице-адмирала и должности генерал-адъютанта при особе императора.

японских миноносцев в районе Доггер-банки, с самого начала выглядела достаточно шаткой, и чем больше вводилось в научный оборот новых источников, тем более уязвимой она становилась. Современный японский историк Инаба Чихара пишет, что ему не удалось обнаружить в японских архивах документальных подтверждений о подготовке и проведении операции в Северном море с участием японских миноносцев. Фамилии офицеров, упоминаемых в сообщениях российских военных и дипломатов, отсутствуют в списках личного состава японского императорского флота (Инаба Чихара 2019: 47—50). Архивы британского адмиралтейства и внешнеполитического ведомства также не подтверждают данную версию (Connaughton 2004).

Тем не менее среди российских исследователей, в том числе академических историков, остаются сторонники конспирологической версии с участием японских миноносцев (Павлов 2016; Гребенщикова 2025). Д.Б. Павлов, до недавнего времени занимавший пост заместителя директора Института российской истории РАН, продолжает настаивать на участии четырёх (!) японских миноносцев в Гулльском инциденте. По его мнению, окончательную точку в этом споре может поставить только подводная археология, которой вполне по силам обнаружить «останки одного или двух миноносцев, затонувших в ночь на 9 (22) октября 1904 г.» (Павлов 2016: 129—132).

Цель данной статьи — перевести рассмотрение Гулльского инцидента в плоскость дипломатического урегулирования. В 1929 г. в Великобритании опубликовали компактную, но весьма информативную подборку дипломатических документов, касающихся инцидента у Доггер-банки (Gooch, Temperley 1929). Несмотря на давность этой публикации, она практически прошла мимо внимания советских и российских историков. Проигнорировали её то ли в силу предположительной предвзятости данной подборки, то ли в силу предубеждённого отношения к опубликованным документам: если они введены в научный оборот, то уже ничего нового историк в них не обнаружит. Однако их внимательное прочтение позволяет выявить «скрытые пружины» урегулирования этого конфликта, а также понять причины, по которым России удалось выйти из него с приемлемыми материальными и репутационными издержками.

Для более полного понимания ситуации, в которой оказалась российская дипломатия, здесь будет уместным кратко напомнить о событиях, произошедших в ночь с 21 на 22 октября 1904 г. в районе Доггер-банки. Слухи о возможном нападении японцев на 2-ю эскадру Тихого океана на пути её следования на Дальний Восток начали циркулировать ещё на стадии подготовки кораблей к походу. В значительной степени они исходили от полицейского агента А.М. Гартинга (Геккельмана), перед которым военно-морское ведомство и правительство России

поставили задачу обеспечить безопасный переход эскадры через европейские воды. Гартинг обосновался в Дании и развернул там обширную агентурную сеть. По мнению большинства современных историков, исходившая от него алармистская информация подчас представляла собой откровенную фальсификацию. Гартингу нужно было оправдать расходы огромной суммы, отпущенной на фрахт судов и создание агентурной сети, составлявшей, по некоторым сведениям, до 500 тыс. руб. (Грибовский, Познахирев 1999: 185—186).

З.П. Рожественский очень серьёзно отнёсся к этим тревожным известиям. Во время стоянки эскадры 20—21 октября у м. Скаген командир транспорта «Бакан», прибывшего из Северного моря, доложил командующему о замеченных им четырёх «подозрительных миноносцах», которые несли только топовые огни (Русско-японская война 1904—1905 гг. 1917: 27—28). После этого адмирал приказал своим кораблям наводить орудия на каждое идущее мимо судно.

Дальнейшее движение через Северное море эскадра продолжила шестью отдельными эшелонами. Замыкающим двигался 1-й броненосный отряд в составе четырёх новейших линейных кораблей — «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино» и «Орёл» — под флагом самого командующего (Русско-японская война 1904—1905 гг. 1917: 28—29). Очевидно, Рожественский полагал, что таким построением он обеспечит наибольшую безопасность своим лучшим кораблям. Из-за постоянных поломок в главной силовой установке плавучая мастерская «Камчатка» отстала и оказалась в 20 милях позади замыкающего отряда.

Около 20 час. 40 мин. на флагманском корабле «Князь Суворов» получили радиограмму с «Камчатки» о том, что она уже два часа ведёт бой и уклоняется от атак неизвестных миноносцев (Русско-японская война 1904—1905 гг. 1917: 30—31). Из того, что документально установлено на сегодняшний день, «Камчатка» безрезультатно обстреляла норвежское рыболовное судно, шведский пароход «Альдебаран» и столкнулась с французским парусником (Грибовский, Познахирев 1999: 187). Исходя из местоположения «Камчатки», командующий подсчитал, что миноносцы должны нагнать его корабли вскоре после 00 час. 22 октября. Он объявил готовность номер один, из погребов подали боезапас, дежурные расчёты комендоров встали у орудий.

В 00 час. 55 мин., обнаружив затемнённые силуэты небольших кораблей, «Князь Суворов» включил боевое освещение и открыл по ним огонь, поддержанный остальными линкорами 1-го броненосного отряда. Когда стало ясно, что под обстрел попали рыболовные суда, по приказу З.П. Рожественского огонь прекратился. За 10 минут 4 броненосца выпустили более чем по 500 снарядов каждый (РГА ВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 321. Л. 21—22). Пять снарядов попали в крейсер «Аврора», шедший

на траверзе 1-го броненосного отряда. Священнику крейсера о. Анастасию, находившемуся в каюте, взрывом оторвало руку, также ранение получил один из комендоров (Русско-японская война 1904—1905 гг. 1917: 32). Пострадали и рыболовные траулеры: один из них затонул, пять получили повреждения. Среди рыбаков было двое убитых и шесть раненых.

Очевидно, что одной из главных причин Гулльского инцидента стал слишком «нервозный» стиль командования З.П. Рожественского, о котором единодушно свидетельствуют большинство мемуаристов из числа участников похода 2-й Тихоокеанской эскадры. Пятый эшелон походного ордера под командованием контр-адмирала Д.Г. Фелькерзама примерно за час до описанных событий встретился с теми же рыбаками. Российские корабли осветили их прожекторами и, убедившись, что это всего лишь рыболовные траулеры, спокойно проследовали дальше.

Закончив стрельбу, 1-й броненосный отряд, не останавливаясь и не пытаясь подобрать тонущих, проследовал прежним курсом. Командующий не сообщил властям Англии или Франции о случившемся. Утром 26 октября 1-й броненосный отряд встал на якоря в испанском порту Виго.

Информация о Гулльском инциденте поступила в министерство иностранных дел Великобритании 23 октября. Представители рыболовной пароходной компании г. Гулля в телеграмме на имя министра иностранных дел маркиза Лэнсдауна сообщали, что в ночь с 21 на 22 октября их рыболовные траулеры подверглись обстрелу со стороны российских военных кораблей в районе Доггер-банки. В результате «паровой траулер „Крэйн“ (“Crane”) затонул; обезглавленные тела капитана и помощника капитана находятся на берегу; остальные члены команды получили ранения разной степени тяжести. Паровые траулеры „Мульмейн“ (“Moulmein”) и „Минноу“ (“Minnow”) прибыли с серьёзными повреждениям от артиллерийского огня. Паровой траулер „Рен“ (“Wren”), по сообщениям, затонул со всей командой»[4]. С телеграммой немедленно ознакомили короля Эдуарда VII, который сделал на ней пометку: «В высшей степени подлое преступление» (Gooch, Temperley 1929: 5—6).

На следующий день депутация моряков из Гулля прибыла в Лондон для дачи показаний лично. Пространные интервью капитанов траулеров «Свифт» (“Swift”) и «Мэгги» (“Maggie”) появились в «Таймс» от 25 октября (The Times. 1904, October 25). Моряки не пожалели красок, расписывая ужасы той октябрьской ночи, когда они оказались под обстрелом российских кораблей. На следующий день по Англии прокатилась волна общественного возмущения. Писатель Джозеф

[4] В дальнейшем гибель траулера «Рен» не подтвердилась.

Конрад направил в «Таймс» открытое письмо, в котором выражал негодование действиями 2-й Тихоокеанской эскадры. В филармонии Ливерпуля отменили концерт для скрипки с оркестром по произведениям Чайковского (The Times. 1904, October 26). Российского посла в Великобритании графа А.К. Бенкендорфа, 26 октября возвращавшегося из Германии, на вокзале встретила кричащая толпа. Проследовать в российское посольство ему удалось только с помощью большого отряда полицейских (The Times. 1904, October 26).

Общественность требовала от правительства незамедлительных и решительных действий. 24 октября Лэнсдаун обязал британского посла в Санкт-Петербурге Ч. Хардинга немедленно информировать министра иностранных дел России В.Н. Ламздорфа об инциденте в Северном море. Хардинга уполномочили сообщить, что правительство Великобритании «требует извинений, полного и безоговорочного возмещения ущерба и гарантий, что подобный неприятный инцидент не повторится». При этом британское правительство не стало окончательно «формулировать свои требования до получения объяснений от российского правительства» (Gooch, Temperley 1929: 6).

Англо-русские переговоры по поводу Гулльского инцидента начались с личного визита посла Хардинга к графу Ламздорфу 24 октября. Выяснилось, что все сообщения об атаке британских рыболовных судов в Северном море задержала царская цензура. Ламздорф признался, что об инциденте он знает только из иностранных газет, т.е. не больше Хардинга. По поводу случившегося российский министр иностранных дел выразил глубокую озабоченность и сочувствие. Однако правительство России сможет окончательно сформулировать свою позицию только после получения отчёта командующего эскадрой. В заключение беседы «граф Ламздорф сделал странное заявление, что, возможно, отчёт уже получен, но до сих пор не передан ему из морского министерства» (Gooch, Temperley 1929: 7).

Начало переговоров выявило две противоположных тенденции: стремление британской стороны как можно быстрее получить результат, поскольку правительство находилось под сильнейшим давлением общественного мнения, и стремление российской стороны как можно дольше это решение оттягивать. В ходе переговорного процесса британские условия ужесточались и обрастали новыми пунктами. Кроме первоначальных требований принести публичные извинения и выплатить адекватную компенсацию пострадавшим, британская сторона настаивала на установлении личностей и наказании офицеров, непосредственно виновных в обстреле рыболовных траулеров. Для проведения такого расследования российскую эскадру следовало задержать в Виго. «Мы не можем допустить, чтобы российскому флоту позволили продолжить плавание, имея на борту лиц, ответственных за инцидент

в Северном море: их убытие только позволит им избежать правосудия и сделает невозможным получение окончательных результатов расследования» (Gooch, Temperley 1929: 12).

Правительство Великобритании немедленно приняло меры, чтобы задержать 2-ю Тихоокеанскую эскадру в европейских водах. 25 октября командующий британским Средиземноморским флотом получил приказ «отправить 6 линкоров, все броненосные крейсера и все наличные миноносцы к Гибралтару и ожидать дальнейших приказов» (Gooch, Temperley 1929: 18). На момент отправки этой телеграммы англичане ещё не знали, остановится эскадра Рожественского в одном из бискайских портов Франции/Испании или проследует дальше. В последнем случае они рассчитывали перехватить её у Гибралтара.

Командующему Флотом Метрополии (Home Fleet) предписывалось немедленно отправиться в Портланд. Там же собирались три дополнительные флотилии миноносцев (Gooch, Temperley 1929: 19). Когда поступила информация, что корабли 2-й Тихоокеанской эскадры бросили якорь в Виго, стало понятно, что иметь с ними дело предстоит Флоту Ла Манша (Channel Fleet). Командующий флотом вице-адмирал Ч. Бересфорд получил подробные инструкции, в которых, в частности, говорилось: «Возможно, вам придётся задержать Балтийский флот посредством убеждения, а если понадобится, то и посредством применения силы» (Gooch, Temperley 1929: 19). С этого времени 4 крейсера из состава Флота Ла Манша поддерживали постоянный визуальный контакт с кораблями российской эскадры и докладывали обо всех их перемещениях.

С выполнением первых двух требований российская сторона согласилась довольно легко. Уже 25 октября министр иностранных дел Ламздорф лично прибыл в британское посольство в Санкт-Петербурге с письмом от Николая II. В последнем говорилось, что «ввиду прискорбных потерь человеческих жизней Император желает выразить Королю и Правительству Его Величества искренние соболезнования, и как только все обстоятельства инцидента прояснятся, Его Величество предпримет все необходимые меры для выплаты компенсаций пострадавшим» (Gooch, Temperley 1929: 9—10).

Однако в Лондоне такие «извинения» сочли недостаточными. Лэнсдаун писал Хардингу: «Я рассматриваю его телеграмму и ту, которую Император адресовал Королю как спонтанное выражение соболезнования». Эдуард VII уполномочил Лэнсдауна «добиться от российского правительства глубокого сожаления по поводу этого прискорбного инцидента, случившегося из-за ошибочного противодействия замаскированным японским миноносцам» (Gooch, Temperley 1929: 11—12). В конечном итоге официальный Санкт-Петербург предоставил требуемые извинения, опубликованные в центральной печати.

Что касается компенсаций пострадавшим, то Николай II изначально выразил готовность предоставить «самые щедрые выплаты». Пострадавшими объявили себя 399 чел., а сумма выставленного ими иска составила почти 104 тыс. ф. ст. Такой размер компенсаций показался запредельным даже для английской правительственной комиссии, которая уменьшила его до 60 тыс. ф. ст. В перерасчёте на российские деньги это составило почти 600 тыс. золотых руб. Когда царю представили выставленный англичанами «прейскурант», он нашёл его «чудовищным». В общей сложности Россия выплатила гулльским рыбакам 65 тыс. ф. ст. компенсаций. 60 тыс. ушли из фондов морского министерства и 5 тыс. Николай II добавил из личных средств (Павлов 2016: 110—111).

Главным камнем преткновения стало третье условие, содержавшее требование наказать ответственных за обстрел рыбаков. В течение пяти дней стороны не могли добиться от Рожественского отчёта об инциденте у Доггер-банки. Наконец, 27 октября граф Бенкендорф попросил аудиенции у Лэнсдауна, на которую он явился в сопровождении российского военно-морского атташе в Лондоне капитана 1 ранга И.Ф. Бострёма. Последний сообщил, что направил Рожественскому личную телеграмму с просьбой прислать отчёт о событиях, имевших место в Северном море. Визитёры сообщили, что готовы ознакомить Лэнсдауна с полученным ответом по собственной инициативе, поскольку позволения на это от Ламздорфа они пока не получили.

В телеграмме Рожественского говорилось следующее: «Инцидент в Северном море произошёл в результате действий двух миноносцев, которые шли на полной скорости под покровом ночи, без огней, в направлении корабля, возглавлявшего наш отряд. Только после включения наших прожекторов выяснилось присутствие нескольких малых пароходов, похожих на траулеры. Отряд приложил все усилия, чтобы спасти эти плавсредства и прекратил огонь сразу, как только миноносцы исчезли из вида. Русский отряд не имел в своем составе ни одного миноносца, и ни один из русских кораблей подобного типа не находился вблизи инцидента. Из этого следует, что означенный корабль держался вблизи рыболовных судов в течение светового дня и, должно быть, являлся одним из вражеских миноносцев, который получил повреждения, тогда как второй был потоплен. Наши корабли не стали оказывать помощь траулерам по причине соучастия, которое проявилось в их настойчивых попытках пройти сквозь наше построение…» (Gooch, Temperley 1929: 15).

Ознакомившись с телеграммой, Лэнсдаун без обиняков заявил Бенкендорфу, что «версия, представленная адмиралом, ни в малейшей степени никого не убедит в этой стране». У главы британского внешнеполитического ведомства сразу возник целый ряд вопросов: как японские миноносцы могли оказаться в середине Северного моря;

откуда они пришли; где доказательства их существования и т.п. У Лэнсдауна уже имелся на руках ответ британского адмиралтейства, полученный на запрос Форин Офис, в котором говорилось, что «никаких миноносцев, принадлежащих флоту Его Величества, в Северном море не было с полудня пятницы 21-го до 24-го сего месяца» (Gooch, Temperley 1929: 17).

В ходе этого жёсткого диалога, состоявшегося между Бенкендорфом и Лэнсдауном, российский военно-морской атташе создал совсем уж неловкую ситуацию. «Капитан Бострём вступил в разговор с важным заявлением, объявив, что адмирал лично не присутствовал при инциденте и получил информацию от других офицеров» (Gooch, Temperley 1929: 16).

28 октября эскадра Рожественского уже готовилась покинуть Виго, когда из Санкт-Петербурга поступило распоряжение задержаться «для проведения расследования и установления личностей офицеров, виновных в обстреле рыболовных судов», как того требовали англичане. Все понимали, что при условии непредвзятого расследования главным виновником придётся признать командующего эскадрой. Рожественский и сам это понимал. В ответ он направил в Петербург почти истерическую телеграмму: «Не зная ни цели, ни причины пребывания своего в иностранном порту без связи с остальными отрядами, не могу командовать эскадрой» (Русско-японская война 1904—1905 гг. 1912: 15).

Николай II, однако, не собирался «сдавать» своего флотоводца. Чтобы морально поддержать командующего, он отправил ему телеграмму от себя лично: «Мысленно и душой с вами и моей дорогой эскадрой. Уверен, что недоразумение скоро кончится. Вся Россия с верой и крепкою надеждой взирает на Вас» (Грибовский, Познахирев 1999: 194). На 2-ю Тихоокеанскую эскадру делалась слишком большая ставка — добиться перелома в войне с Японией. 28 октября Николай II провёл совещание с участием великого князя генерал-адмирала Алексея Александровича, министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа и военно-морского министра Ф.К. Авелана по поводу «дурного поведения Англии и мер, которые следовало принять». По итогам совещания российская сторона выступила с инициативой передать расследование Гулльского инцидента в ведение международного военно-морского трибунала в Гааге. Официальный Лондон неожиданно быстро согласился на это предложение. Царь записал в дневнике: «Вчера посланное нами в Англию предложение передать рассмотрение дел о стрельбе в Немецком море [в ведение] Гаагского суда — возымело действие. Паршивые враги наши сразу сбавили спеси и согласились» (Дневники 2011: 830).

Согласно достигнутой договорённости, международная военно-морская комиссия состояла из 5 чел. ВМФ России представлял вице-адмирал Н.И. Казнаков, вскоре заменённый на Ф.В. Дубасова;

Великобританию — вице-адмирал Л.Э. Бомон. Флот США прислал вице-адмирала Г.Ч. Дэвиса. Вице-адмирал Г. фон Шпаун представлял военно-морские силы Австро-Венгрии. Поскольку местом работы международной военно-морской комиссии стал Париж, председательствовал на заседаниях контр-адмирал Э.-Ф. Фурнье, представлявший Францию. Некоторую пикантность ситуации добавлял тот факт, что Фурнье по званию был ниже остальных членов комиссии.

30 октября с эскадры списали четырёх офицеров для дачи показаний в военно-морской следственной комиссии в Париже: капитана 2 ранга Н.Л. Кладо от штаба эскадры и флагманского корабля «Князь Суворов», вахтенного начальника с эскадренного броненосца «Император Александр III» И.Н. Эллиса, младшего минного офицера эскадренного броненосца «Бородино» лейтенанта В.М. Шрамченко и минного офицера с «Камчатки» лейтенанта Р.К. Вальронда. Поскольку последние три из перечисленных кораблей погибли в Цусимском сражении со всеми экипажами, Эллис, Шрамченко и Вальронд остались единственными выжившими благодаря выступлению в следственной комиссии.

После выполнения всех подготовительных мероприятий для начала работы военно-морской следственной комиссии российская сторона посчитала, что все препятствия для дальнейшего следования 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток сняты. Однако англичане заявили, что международная следственная комиссия только установит виновных, а наказание им должен определить военно-морской трибунал в Санкт-Петербурге в соответствии с уставом российского ВМФ. До тех пор пока виновные не понесут наказания, корабли, участвовавшие в Гулльском инциденте, не должны покидать Виго. Лондон также потребовал регулярно информировать о ходе процесса над виновными (Gooch, Temperley 1929: 18, 21). Эти требования, по всей видимости, очертили «красную линию», за которую Николай II отступать уже не мог. В обстреле рыбаков принимали участие 4 новейших броненосца типа «Бородино», составлявшие главную ударную мощь 2-й Тихоокеанской эскадры. Отправка остальных кораблей на Дальний Восток без 1-го броненосного отряда теряла всякий смысл.

30 октября Николай II пригласил британского посла для личной беседы. На следующий день Хардинг отправил подробный отчёт об этой аудиенции в Лондон. Царь принял посла в «самой очаровательной манере». Разговор происходил с глазу на глаз, без переводчиков и без участия других официальных лиц. Николай II начал с выражения глубокой печали и сожаления по поводу потерянных жизней, страданий рыбаков и их семей, имевших несчастье попасть в инцидент в Северном море. Что касается компенсаций многочисленным пострадавшим, то их выплатят в самом щедром размере, «фактически всё, что будет запрошено, будет выплачено» (Gooch, Temperley 1929: 25).

Однако в дальнейшем разговор начал приобретать всё более конфронтационный характер. Николай II объявил послу, что у него имеются две жалобы. Во-первых, его возмутил угрожающий тон и слишком поспешные выводы британской прессы. Журналисты безоговорочно приняли версию рыбаков, не допуская другого объяснения инцидента. Когда флот воюющей стороны идёт в открытом море, он находится в полной боеготовности. Во время посещения флота в Ревеле Рожественский сообщил императору, что в целях защиты своих кораблей он откроет огонь по любому судну, которое подойдёт слишком близко и будет заподозрено во враждебных намерениях. Во-вторых, Николая II обеспокоили обширные военно-морские приготовления, «неадекватные обстоятельствам и носящие явно провокационный характер»: «Что скажет народ в Англии, если в ответ на эти военно-морские приготовления я объявлю мобилизацию Черноморского флота, армейских корпусов на Кавказе и в Туркестане, что будет вполне оправдано в данных обстоятельствах?» (Gooch, Temperley 1929: 25).

Надо отдать должное Хардингу, проявившему незаурядную выдержку перед лицом российского самодержца. Он резонно ответил, что контроль над прессой находится за пределами полномочий британского правительства, а действия Рожественского противоречат международной практике и представляют реальную опасность для торгового судоходства. К концу аудиенции Николай II вновь перешёл на миролюбивый тон. Он заверил Хардинга, что инцидент, подобный Гулльскому, впредь больше не повторится. Царь также сообщил, что недавно военное командование запросило его разрешения в тренировочных целях перебросить в Туркестан полностью укомплектованную пехотную дивизию по железной дороге Оренбург — Ташкент, но он не дал своего согласия, памятуя о том, какое негативное впечатление это может произвести на военное командование в Англии и в Индии. И, вообще, «война между двумя великими империями, такими как Россия и Англия, стала бы неслыханным преступлением, не дав преимуществ ни одной из сторон, поскольку после войны они остались бы на тех же позициях, что и до неё, но только существенно ослабленными» (Gooch, Temperley 1929: 26—27).

По итогам встречи Николай II записал в своём дневнике: «От 2 до 3 часов принимал английского посла Hardinge по поводу последнего недоразумения. Поговорил с ним крепко» (Дневники 2011: 830—831). Если верить пространному донесению Хардинга, то он держался, как кремень, и не поддался на угрозы и давление со стороны царя. В конечном итоге российскому самодержцу пришлось сбавить тон и перейти к более миролюбивым предложениям.

Однако две недели спустя, ещё раз осмыслив свою беседу с царём и проанализировав российскую прессу, Хардинг отправил в Лондон тревожное донесение. Английский посол писал, что Гулльский инцидент,

тон британской прессы и меры, предпринимаемые военным флотом, «отнюдь не выглядящие как дружественные, произвели очень плохое впечатление в России, и в случае их продолжения могут поставить под угрозу сохранение мира». По мнению Хардинга, российское правительство и общественное мнение стали излишне чувствительными к своему достоинству как великой державы в свете тех неудач, которые они терпят в войне с Японией. «Тот факт, что такая маленькая и презираемая страна, как Япония, с населением, называемым русской прессой „жёлтыми обезьянами“, оказалась в состоянии нанести военное поражение на суше и на море величайшей военной державе Европы, стало таким ударом, от которого страна до сих пор не может оправиться. То, что японцы смогли достичь таких результатов в одиночку, подавляющее большинство населения считает абсурдным. Образованные слои считают, что если бы не англо-японский союз, Япония никогда не решилась бы на войну с Россией, в то время как низшие слои твёрдо убеждены, что причиной поражения России является тайная помощь Англии японцам, и что английские офицеры сражаются в их рядах» (Gooch, Temperley 1929: 34).

Хардинг утверждал, что в России имеется влиятельная «партия войны», возглавляемая великими князьями Сергеем Михайловичем и Александром Михайловичем. Они уверены, «что самый верный способ добиться преобладающего влияния на Дальнем Востоке — это нанести удар по Англии в Афганистане и Индии, и никто в России не сомневается, что эта кампания окончится полным успехом русского оружия… При первой же возможности российское правительство заключит мир с Японией и тем самым положит конец исключительно непопулярной войне, получив возможность для концентрации русской армии, всех сил и энергии для решительного удара по Индии». На этом донесении Эдуард VII оставил пометку: «Очень интересное послание, наводящее на серьёзные размышления по поводу текущих событий» (Gooch, Temperley 1929: 34—35).

По всей видимости, британское правительство и лично Эдуард VII приняли решение не усугублять конфликт по поводу Гулльского инцидента и не доводить до серьёзной конфронтации с Россией. Линкоры 1-го броненосного отряда под командованием Рожественского 1 ноября 1904 г. беспрепятственно покинули Виго и продолжили путь на Дальний Восток. Международная следственная комиссия в Париже завершила свою работу только 25 февраля 1905 г. Её заключительное постановление можно считать в целом благоприятным для России (Русско-японская война 1904—1905 гг. 1917: 42—47).

Причины, по которым России удалось выйти с минимальными издержками из Гулльского инцидента, до сих пор не находят однозначного ответа у историков. Британские дипломатические документы

недвусмысленно свидетельствуют о спонтанном характере инцидента у Доггер-банки, который стал полной неожиданностью как для российской, так и для британской стороны. Данное обстоятельство предопределило отсутствие ясно артикулированных целей у официального Лондона. Правительство Великобритании и Эдуард VII не могли определиться, какие преимущества можно извлечь из сложившейся ситуации. Разумеется, доводить дело до вооружённого конфликта с Россией не планировалось. Максимально возможный результат заключался в том, чтобы не пропустить 2-ю Тихоокеанскую эскадру на Дальний Восток. Судя по донесению британского посла в Токио Ч. Макдональда от 22 декабря 1904 г., правительство Японии именно этого и ожидало от своей союзницы. Касаясь инцидента в Северном море, премьер-министр Кацура Таро сказал Макдональду, что «японское правительство испытало сильное разочарование, узнав, что (российский. — *Д.Л.*) адмирал не был задержан, поскольку именно он несёт главную ответственность и без его разрешения не мог быть произведён ни один выстрел» (Gooch, Temperley 1929: 40).

Тем не менее 2-я Тихоокеанская эскадра беспрепятственно продолжила свой поход в полном составе, а З.П. Рожественский не предстал ни перед международной следственной комиссией, ни перед трибуналом в Санкт-Петербурге. Авторитетный англовед Е.Ю. Сергеев считает, что к концу 1904 г. в коридорах власти Лондона уже начали задумываться над последствиями победы Японии в Русско-японской войне: «…Вслед за поражением царской армии и флота некоторые британские государственные деятели начали думать, что если Япония выиграет войну, то она превратится в самого грозного противника Австралии» (Сергеев 2016: 259—261). На это можно возразить, что, несмотря на все дискуссии на Даунинг-стрит, в августе 1905 г. англо-японский союз был пролонгирован.

Британские дипломатические документы позволяют с большой долей основания утверждать, что решающую роль в исходе Гулльского инцидента сыграла Франция. В ответ на запрос из Петербурга российский военный атташе в Париже полковник В.П. Лазарев со всей категоричностью сообщил, что, если дело дойдёт до столкновения с Англией, «Франция ни в коем случае не окажет вооружённого содействия» (РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209. Л. 221). Е.Ю. Сергеев считает, что это сообщение вызвало эффект «холодного душа» в российской столице (Сергеев 2010: 95). Однако есть основания полагать, что такой ответ не стал сюрпризом для руководителей российской внешней политики. Во время Фашодского кризиса 1898 г. Россия заняла точно такую же позицию в отношении Франции, когда последняя вступила в конфликт с Великобританией по поводу сфер влияния в верховьях Нила (Айвазян 2013: 32—39).

Позиция Франции стала неожиданной именно для Великобритании. Для оказания эффективного давления на Россию требовалась мобилизация общественного мнения всей Европы. Однако уже три дня спустя после Гулльского инцидента британский посол в Париже Э. Монсон сообщил разочаровывающие известия: «Парижская пресса за одним или двумя важными исключениями намерена „закрыть на это глаза“… Если журналисты, представляющие все спектры общественного мнения, не „раскапывают“ столь богатую на сенсацию „жилу“, значит они не хотят этого делать». Донесение Монсона удостоилось пометки Эдуарда VII: «Отношение французской прессы в высшей степени неудовлетворительно» (Gooch, Temperley 1929: 8—9).

Вскоре Лэнсдауну пришлось познакомиться и с позицией официального Парижа по Гулльскому инциденту. Посол Франции в Лондоне объявил, что «французское правительство… проявляет пристальный интерес к этому вопросу». Франция имеет большие финансовые вложения в России и в целом между двумя странами существует полное взаимопонимание. «…Если столкновение (между Россией и Великобританией. — *Д.Л.*) случится, и, особенно, если оно произойдёт по причине необоснованных требований с нашей стороны, это вызовет возмущение общественного мнения, из-за чего не может не пострадать англо-французская Антанта». Далее посол недвусмысленно дал понять, что претензии Великобритании к России в Париже как раз считают необоснованными. «С учётом медлительности методов, присущих российской дипломатии, в данном случае российское правительство очень оперативно принесло извинения и предложило компенсации. Вместе с тем, естественно, что они хотели бы дождаться рапорта своего адмирала, прежде чем обещать большее. Этот рапорт теперь уже получен и, при всей его абсурдности, …есть некоторые обстоятельства, которые требуют пояснений» (Gooch, Temperley 1929: 22).

Этот разговор, по сути, и стал переломным в ситуации вокруг Гулльского инцидента. Какое-то время спустя даже рапорт адмирала Рожественского уже перестал казаться англичанам «абсурдным». «У меня есть все основания считать, — писал посол Хардинг, — что, если адмирал Рожественский даст любое другое объяснение действий своих кораблей в Северном море, его освободят от командования» (Gooch, Temperley 1929: 34). Решающую роль Парижа признали и в Токио. «Однако они (правительство Японии. — *Д.Л.*) понимают, что из желания сохранить дружеские отношения с Францией мы не могли настаивать на этом требовании (не пропускать 2-ю Тихоокеанскую эскадру на дальний Восток. — *Д.Л.*), не вызвав самые пагубные отношения с Парижем» (Gooch, Temperley 1929: 40).

Таким образом, Гулльский инцидент имел гораздо более широкий международный резонанс, чем обычно принято о нём думать. По времени он совпал с началом процесса, когда Великобритания начала вы-

страивать в Европе новую геополитическую конструкцию, направленную на обуздание военно-морских амбиций Германии. Эдуард VII и его советники приложили огромные усилия для достижения урегулирования с Францией по Египту и Марокко. Переговоры, завершившиеся подписанием в апреле 1904 г. англо-французской Антанты, продолжались более года. Перечеркнуть эти договорённости из-за инцидента в Северном море отнюдь не входило в планы официального Лондона. Сыграло свою роль и осознание контрпродуктивности противостояния с Россией в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. В этом смысле Гулльский инцидент может рассматриваться как символическое событие, ознаменовавшее поворот в трансформации франко-русского союза в Тройственную Антанту.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ / REFERENCES AND SOURCES

Айвазян А.А. 2013. Фашодский кризис 1898 г. и русская дипломатия. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*, № 2: 32—39.

Ayvazyan A.A. 2013. Fashoda Crisis of 1898 and Russian Diplomacy. *Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*, No 2: 32—39. (In Russ.)

Веледеев А.Г. 2021. Историография Гулльского инцидента (1904): точку ставить рано. *Морской сборник*, № 7: 89—95.

Veledeyev A.G. 2021. Historiography of Hull Incident (1904): Putting a Full Stop is Too Early. *Morskoy sbornik*, No 7: 89—95. (In Russ.)

Гребенщикова Г.А. 2025. «Наша эскадра стреляла не по каким-то подозрительным судам, но по неприятельским миноносцам, шедшим на неё в атаку». Военный инцидент, произошедший между Россией и Англией в Северном море 8 (21) — 9 (22) октября 1904 г. *Военно-исторический журнал*, № 3: 44—53.

Grebenshchikova G.A. 2025. "Our Squadron Fired not at Any Suspicious Vessels but at Hostile Destroyers Attacking It". Naval Incident between Russia and England in the North Sea on 8 (21) — 9 (22) of October 1904. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, No 3: 44—53. (In Russ).

Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. 1999. *Вице-адмирал З.П. Рожественский*. Санкт-Петербург: Галея-Принт.

Gribovskiy V.Yu., Poznakhirev V.P. 1999. *Vice-Admiral Z.P. Rozhestvensky*. Saint Petersburg, Galeya-Print Publ. (In Russ.)

Дневники 2011: *Дневники императора Николая II*. Т. 1. 1894—1904. Москва: РОССПЭН.

Diaries of the Emperor Nicholas II. Vol. 1. 1894—1904. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

Зубов А.Ю. 2015. Война на море в русско-японскую кампанию 1904—1905 гг.: Гулльский инцидент в воспоминаниях офицеров российского императорского флота. *Альманах современной науки и образования*, № 2 (92): 35—38.

Zubov A.Yu. 2015. The War at Sea During 1904—1905 Russo-Japanese Campaign: The Hull Incident in Memories of Officers of the Russian Imperial Navy. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, No 2 (92): 35—38. (In Russ.)

Инаба Чихара 2019. *По следу эскадры адмирала З.П. Рожественского. Японская военно-морская разведка в годы Японо-русской войны 1904—1905*. М.: Центр гуманитарных инициатив.

Inaba Chiharu 2019. *Following Admiral Z.P. Rozhestvensky's Squadron. Japanese Naval Intelligence in the Russo-Japanese War. 1904—1905*. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

Могилевич А., Айрапетов М. 1940. Легенда и правда о «Гулльском инциденте» 1904 г. *Исторический журнал*, № 6: 41—52.

Mogilevich A., Ayrapetov M. 1940. Legend and Truth of the Hull Incident. 1904. *Istoricheskiy zhurnal*, No 6: 41—52. (In Russ)

Павлов Д.Б. 2016. *Русско-японская война 1904—1905 гг. Секретные операции на суше и на море*. М.: Центр гуманитарных инициатив.

Pavlov D.B. 2016. *Russo-Japanese War. 1904—1905. Secret Operations on Land and at Sea*. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

Русско-японская война 1904—1905 гг. 1912: *Русско-японская война 1904—1905 гг. Хронологический перечень действий флота. Вып. 2*. Санкт-Петербург: Типография Морского министерства.

Russo-Japanese War. 1904—1905. Chronology of Fleet Actions. Vol. 2. Saint Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva Publ. (In Russ.)

Русско-японская война 1904—1905 гг. 1917: *Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе. Кн. 6. Поход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток*. Петроград: Типография Морского министерства.

Russo-Japanese War. 1904—1905. Naval Staff Monograph: Description of Naval Operations in the War of 1904—1905. Vol. 6. Voyage of the 2nd Pacific Squadron to the Far East. Petrograd, Tipografiya Morskogo ministerstva Publ. (In Russ.)

Сергеев Е.Ю. 2010. *Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904—1905*. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Sergeyev E.Yu. 2010. *Military Intelligence of Russia Against Japan. 1904—1905*. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ. (In Russ.)

Сергеев Е.Ю. 2016. *«Большая игра». 1856—1907 гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. Москва: Товарищество научных изданий КМК.

Sergeyev E.Yu. 2016. *"The Great Game". 1856—1907. Myths and Reality of Anglo-Russian Relations in Central and East Asia*. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ. (In Russ.)

Connaughton R.M. 2004. *The War of the Rising Sun and Thumbling Bear: A Military History of the Russo-Japanese War. 1904—1905*. London, Routledge Publ.

Gooch G.P., Temperley H. 1929 (eds.). *British Documents on the Origins of the War. 1898—1914. Vol. 4. Anglo-Russian Rapprochement. 1903—1907*. London, H.M. Stationary Office Publ.

Lebow R.N. 1978. Accident and Crisis: The Dogger Bank Affair. *Naval War College Review*, vol. 38, No 1: 60—75.

The Times. 1904.

Дата поступления в редакцию 04.04.2026